

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВЯЗКА

ПИСЬМО	11
ИСТОРИЯ МАРГАРЕТ	22
ТРИНАДЦАТЬ СКАЗОК	36
ПРИБЫТИЕ	51
ЗНАКОМСТВО С МИСС ВИНТЕР	56
МЫ ПРИСТУПАЕМ...	74
САДЫ	99
МЕРРИЛИ И ДЕТСКАЯ КОЛЯСКА	110
ДОКТОР И МИССИС МОДСЛИ	121
КАБИНЕТ ДИККЕНСА	135
ЕЖЕГОДНИКИ	141
АРХИВЫ «БАНБЕРИ ГЕРАЛЬД»	146
РУИНЫ	149
ДРУЖЕЛЮБНЫЙ ВЕЛИКАН	158
МОГИЛЫ	167

РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА

ПОЯВЛЯЕТСЯ ЭСТЕР	173
КОРОБКА ЖИЗНЕЙ	185
ЗА САМШИТОВЫМ КУСТОМ	189
ПЯТЬ НОТ	199
ЭКСПЕРИМЕНТ	203

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫ ВЕРИТЕ В ПРИВИДЕНИЯ?	212
ПОСЛЕ ЭСТЕР	222
ОН ИСЧЕЗ!	232
ПОСЛЕ ЧАРЛИ	238
СНОВА АНДЖЕЛФИЛД	247
КАК МИССИС ЛАВ РАСПУСКАЛА ВЯЗАНЬЕ	253
НАСЛЕДСТВО	261
«ДЖЕН ЭЙР» И ПЛАМЯ ПЕЧИ	270
КРУШЕНИЕ	278
СЕРЕБРЯНЫЙ САД	281
ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ	285
СТРЕМЯНКА	288
ВЕЧНЫЕ СУМЕРКИ	299
ОКАМЕНЕВШИЕ СЛЕЗЫ	310
ПОДВОДНАЯ КРИПТОГРАФИЯ	314
ВОЛОСЫ	318
ДОЖДЬ И ТОРТ	326
ВОССОЕДИНЕНИЕ	333
У КАЖДОГО СВОЯ ИСТОРИЯ	338
ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ	344
СЕСТРЫ	349
ДНЕВНИК И ПОЕЗД	355
РАЗРУШАЯ ПРОШЛОЕ	368
ДНЕВНИК ЭСТЕР (часть вторая)	379
ФИНАЛ	
ПРИЗРАК В ИСТОРИИ	391
ОСТАНКИ	398
МЛАДЕНЕЦ	410
ПОЖАР	418
ЗАВЯЗКА	
СНЕГ	435
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	439
ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА	448
ПОСТСКРИПТУМ	457

ПИСЬМО

Завязка

Была ноябрь. Дня только начал закатиться к северу, но жила и держалась за горизонт, и пореулом, и небо уже сгустилось темнотой. Отец закончил с сегодняшним делом, отключил лампы и пошел спать в машинке по — знала, что и по-прежнему поздно — остался гореть лампочку в прихожей. Из спящего окна в двери свет падал на мокрый асфальт пятнами прямоугольной илиной неправильной формы. Наступила на эту лужу, и встала к стене в лампочку, лампочку и в ту же минуту увидела сквозь стекло еще один белый предмет — письмо, лежащее на лужу спит ступенями лестницы, где и не могла бы заметить, что не заметил.

Почему я зашла дверь и как обычно, поставила ключи на тумбочку возле на тумбочку Бюхты? — Советовали для спящего, бедняк Бюхты, он тридцать лет ни один человек не спал, жила его толстым трупом в комнате женщины цвета. Почему и задумывалась о том, как он должен чувствовать себя в этой тридцатилетней жизни от жизни буквальная. Выходил ему рассказывал такая судьба писателя, красавца которого он почитал для десятилетия своей жизни.

Письмо, которое мне. Это уже не было на руки мои. Письмо, что приходит с неслыханным упором и терпением, но по сути — дарением был написан и переписан, который переписан и переписан, что и переписан минут разбираться жаром и холодом,

ПИСЬМО

Был ноябрь. День только начал клониться к вечеру, но когда я добралась до поворота в переулочек, в небе уже стущалась тьма. Отец закончил с сегодняшними делами, опустил жалюзи и погасил свет в магазине, но — зная, что я появлюсь поздно, — оставил гореть лампочку в прихожей. Из смотрового окошка в двери свет падал на мокрый асфальт белесым прямоугольным пятном альбомного формата. Наступив на это пятно, я вставила ключ в замочную скважину и в тот же миг увидела сквозь стекло еще один белый прямоугольник — письмо, лежавшее на пятой снизу ступеньке лестницы, где я не могла бы миновать его, не заметив.

Войдя, я заперла дверь и, как обычно, поместила ключ на книжную полку за томом Бейли «Геометрия для знатоков». Бедняга Бейли. За тридцать лет ни один знаток не соблазнился его толстым трудом в переплете мышинного цвета. Порой я задумываюсь о том, как он должен чувствовать себя в роли хранителя ключей от лавки букиниста. Вряд ли ему мыслилась такая судьба шедевра, созданию которого он посвятил два десятилетия своей жизни.

Письмо. Адресовано мне. Это уже нечто из ряда вон. Плотный конверт с несмятыми углами и объемистым на ощупь содержимым был надписан почерком, который наверняка доставил пару неприятных минут разбиравшему адрес почтальону.

Хотя графика была старомодной, с вычурными заглавными буквами и завитушками, я в первую минуту подумала, что это писал ребенок. Слова казались старательно выведенными немелой рукой, нажим был неравномерен — местами линия почти исчезала, а местами перо глубоко вдавилось в бумагу. Все буквы моего имени были написаны раздельно — МАРГАРЕТ ЛИ, — что указывало на затруднение, с которым автор одолевал непривычные для него слова. Однако у меня не было знакомых детей, и посему я пришла к мысли об отправителе-инвалиде.

Ощущение, возникшее в этой связи, было не из приятных. Выходило так, что вчера или, может, позавчера, когда я спокойно занималась обыденными делами, неизвестный мне человек — *некто* — прилагал известные усилия к тому, чтобы пометить этот конверт моим именем. Кем мог быть этот некто, думавший обо мне в тот момент, когда я даже не подозревала о его существовании?

Не снимая пальто и шляпки, я уселась прямо на лестнице, чтобы прочесть письмо. (Я никогда не приступаю к чтению, не заняв перед тем надежную позицию. Эту привычку я завела с семилетнего возраста, после того как однажды, сидя на каменной ограде и читая «Детей вод»¹, слишком увлеклась картинами подводного мира и бессознательно расслабила мышцы, но вместо свободного парения в текучей стихии, которое так живо мне представлялось, совершила свободное падение вниз головой и получила нокаут от удара о землю. В память об этом у меня на лбу остался шрам, обычно прикрываемый челкой. Чтение — дело небезопасное.)

Я вскрыла конверт и извлекла оттуда с полдюжины листов, испещренных все тем же крупным неуклюжим почерком. К счастью, по роду своих занятий я имею большой опыт чтения неразборчивых рукописей. Это не так сложно, как может

¹ «Дети вод» — сказочная повесть (1863) английского писателя Чарльза Кингсли, главный герой которой, маленький трубочист Том, свалившись в реку, знакомится с «детьми вод» и совершает путешествия по морям и океанам. Первый русский перевод вышел в 1874 году под названием «Приключения Фомушки-трубочиста на земле и под водой» и без указания автора. — *Здесь и далее прим. перев.*

показаться; нужны лишь терпение и практика. Главное тут — правильно использовать свое внутреннее зрение. Расшифровывая рукописи, пострадавшие от влаги, огня, солнечного света или же просто состаренные временем, следует уделять внимание не только собственно тексту, но и сопутствующим деталям: скорости движения пера и его нажиму, заминкам на том или ином слове, долгим паузам между фразами и т. п. Прежде всего вы должны расслабиться и ни о чем не думать, пока вас не застигнет подобие сна наяву, в котором вы почувствуете себя бегущим по пергаменту пером и одновременно этим самым пергаментом, на чьей поверхности один за другим возникают свежие чернильные знаки. После этого можно приступить к чтению. Ощущая и понимая автора, его мысли, тревоги и желания, вы прочтете текст с такой легкостью, как если бы сами со свечкой в руке заглядывали через плечо пишущему.

При правильном подходе к делу расшифровка данного послания не представляла особых трудностей. Оно начиналось отрывистым обращением «Мисс Ли». Далее каракули и завиточки стали быстро складываться в буквы, а те — в слова и фразы. Вот что я прочла:

Когда-то давно я дала интервью для «Банбери геральд». В ближайшие дни собираюсь отыскать его в своем архиве. Странного типа они мне прислали в тот раз. Мальчишка. Ростом со взрослого мужчину, но нежный и пухлый, как младенец. Он явно чувствовал себя неловко в мешковатом коричневом костюме, более уместном на человеке гораздо старше его. Покрой, воротник, материя — все не годилось. Это был костюм из разряда вещей на вырост, какие мать покупает сыну, по окончании школы вступающему во взрослую жизнь. Однако мальчишки не перестают быть мальчишками, едва избавившись от школьной формы.

Держался он очень напряженно. Я сразу это отметила, подумав: «Что ему от меня нужно?»

Я ничего не имею против правдолюбцев, хотя собеседники из них хуже некуда, особенно когда они пускаются

в столь милые их сердцу рассуждения об истине и лжи. Мне претит подобная болтовня, но если эти люди оставляют меня в покое, я их тоже не трогаю.

По-настоящему меня раздражают не правдолюбцы, а правда как таковая. Почему иные с ней так носятся? Разве кто-нибудь находил в ней поддержку и утешение, какие дарует нам вымысел? Поможет ли вам правда в полночный час, в темноте, когда ветер голодным зверем завывает в дымоходе, молнии играют тенями на стенах вашей спальни, а длинные ногти дождя выбивают дробь на оконном стекле? Нет. Когда холод и страх делают из вас застывшую в постели мумию, не надейтесь, что лишённая крови и плоти правда поспешит к вам на помощь. Что вам нужно в такой момент, так это утешительный вымысел. Милая, слабая, старая добрая ложь.

Некоторые писатели не любят давать интервью. «Вечно одни и те же вопросы», — жалуются они. А что они, собственно, ожидают услышать? Репортеры — это наемные работяги, у которых дело поставлено на поток, тогда как писатель производит штучный продукт. Но если они задают нам одни и те же вопросы, это еще не значит, что мы обязаны повторяться с ответами. Я говорю о вымысле — в конце концов, это и есть наш хлеб насущный. В год я даю десятки интервью, а за всю жизнь их у меня набралось несколько сотен. Я считаю, что талант не должен отгораживаться от мира, загоняя себя в тепличные условия. Во всяком случае, мой талант не настолько нежная вещь, чтобы вянуть и съеживаться от прикосновения грязных пальцев бульварных писак.

В прежние времена меня не раз пытались поймать в ловушку. Раскопавшие малую толику правды журналисты являлись ко мне с намерением выложить этот козырь в удобный момент и, застав меня врасплох, узнать еще что-нибудь из той же серии. Приходилось все время быть начеку, чтобы сбивать их со следа. Обычно я пускала в ход свежую приманку и осторожно уводила их в сторону

от изначальной цели — вождеденной правды — к очередной придуманной истории. В их глазах понемногу разгорался азартный огонь, и, увлеченные вымыслом, они ослабляли хватку, позволяя настоящей добыче, той самой толике правды, выскользнуть из жадных репортерских рук и благополучно кануть в небытие. Этот прием срабатывал безотказно. Хорошая сказка всегда берет верх над жалкими огрызками правды.

Позднее, когда я стала по-настоящему знаменитой, «интервью с Видой Винтер» превратилось для журналистов в своего рода обряд посвящения. Они уже примерно знали, чего следует ожидать, и были бы разочарованы, уйдя от меня без новой истории. Начиная интервью с пробежки по стандартным вопросам (Откуда вы черпаете вдохновение? Ваши персонажи основаны на реальных людях? Что есть в главной героине от вас самой?), они вполне удовлетворялись краткими ответами — чем короче, тем лучше (Из собственной головы. Нет. Ничего.) и переходили к тому, ради чего они здесь появились. На их лицах возникало мечтательное, предвкушающее выражение, как у маленьких детей в ожидании сказки на сон грядущий. «Расскажите что-нибудь о себе, мисс Винтер», — просили они.

И я рассказывала. Короткие незамысловатые истории, не бог весть что. Две-три переплетенных сюжетных линии, тут запоминающийся лейтмотивчик, там несколько броских деталей. Всякая всячина из моей мусорной корзины, где подобного добра в избытке. Забравованные фрагменты романов и новелл, отвергнутые сюжетные ходы, мертворожденные персонажи, образные описания, которым не нашлось места в книгах, и прочая шелуха, отсеянная при редактировании. Достаточно взять несколько таких лоскутков, наскоро их сшить, подровнять края — и готово. Еще одна свеженькая биография.

Они уходили счастливыми и довольными, сжимая в руках свои блокноты, как детишки сжимают кулек со

сластями по завершении праздничного вечера. Потом они будут рассказывать своим внукам: «Однажды я встречался с самой Видой Винтер, и она поведала мне удивительную историю...»

Но вернемся к мальчишке из «Банбери геральд». Он с ходу попросил: «Мисс Винтер, скажите мне правду». Какое? Я вынуждала людей идти на самые невероятные ухищрения в надежде вытянуть из меня хоть одно слово правды (таких ловкачей я чувю за милую), но тут... Это было просто смешно. На что он рассчитывал?

Кстати, хороший вопрос. На что он мог рассчитывать? Испытующий, напряженно-внимательный взгляд. Ему было нужно нечто особенное, и я это поняла. Глаза его лихорадочно блестели, на лбу выступили капельки пота. Возможно, он был болен. «Скажите мне правду», — попросил он.

У меня возникло странное чувство: как будто возвращается к жизни давнее прошлое. Где-то в глубине водоворотом закружились воспоминания, создавая приливную волну, которая прокатилась вверх по жилам и обернулась холодной зыбью, стучащей в мои виски. Жутковатое ощущение. «Скажите мне правду».

Я обдумала его просьбу. Я рассмотрела ее с разных сторон и взвесила возможные последствия. Он выбил меня из колеи, этот мальчишка с бледным лицом и горящими глазами.

«Хорошо», — сказала я.

Он покинул меня спустя час. Рассеянно промывал слова прощания и, уходя, ни разу не оглянулся.

Я не сказала ему правду. Как можно? Я угостила его очередной историей. Тощей, жалкой, малокровной сказкой без ярких деталей и изящных поворотов: выцветшие лоскуты, сметанные на живую нитку, с бахромой по неровным краям. Одной из тех историй, что так похожи на реальную жизнь. Точнее, на то, что представляется людям реальной жизнью, а это совсем не одно и то же.

Человеку моего склада, наделенному живой фантазией, не легко сочинять истории вроде этой.

Я следила за ним из окна. Он удалялся шаркающей походкой, ссутулившись и опустив голову; казалось, каждый шаг давался ему с трудом. Вся его энергия и живость, весь изначальный порыв сошли на нет. Я убила в нем это. Впрочем, я не намерена брать на себя всю вину. Он должен был знать, с кем имеет дело, и не принимать рассказанное на веру.

Больше я его никогда не видела.

То самое чувство — глубинное волнение, зыбью восходящее к вискам, — оставалось со мной еще долгое время. Оно то затихало, то вновь усиливалось при одном лишь воспоминании о словах мальчишки-репортера. «Скажите мне правду». — «Нет», — повторяла я снова и снова. Нет. Однако чувство не исчезало. Оно не давало мне покоя. Более того, оно стало для меня реальной угрозой. И тогда я пошла на сделку. «Не сейчас». Оно насторожилось, поколебалось, но в конце концов утихло. Утихло настолько, что я через какое-то время напрочь о нем забыла.

Как давно это было? Тридцать лет назад? Сорок? Может, и больше. Время проходит быстрее, чем мы успеваем это заметить.

А на днях мне вдруг вспомнился тот мальчишка. «Скажите мне правду». Затем возвратилось и странное чувство. Нечто растет внутри меня, стремительно делясь и множась. Я чувствую его физически — где-то в районе желудка, твердое и круглое, размером с грейпфрут. Оно высасывает воздух из моих легких и разъедает мой костный мозг. Долгое пребывание в спячке сильно его изменило. Теперь я имею дело с агрессивным существом, не поддающимся убеждению, не склонным к переговорам и дискуссиям, упрямо настаивающим на своем праве. Оно не признает слова «нет». «Скажи правду», — требует оно вслед за мальчишкой, глядя в его удаляющуюся спину. Потом